Igor V. Grigorev
MA in Cultural Studies
PhD Student, specialty 5.10.1 "Theory and History of Culture and Art"
Assistant Lecturer
Department of Russian Philosophy and Culture
Saint Petersburg State University
e-mail: igor.v.grigoriev@spbu.ru
St Petersburg, Russia
ORCID: 0009-0001-0848-1836

DOI: 10.36340/2071-6818-2026-22-6-21-30

ROYAL MERCY IN THE LANGUAGE OF REBELLION: THE CULTURAL SEMANTICS OF EMELIAN PUGACHEV'S MANIFESTOS

Summary: *The article examines the semantics of royal mercy in the documents of the Pugachev movement of 1773–1774. Drawing on semiotic-hermeneutic analysis, source criticism and a comparison of document formularies, the author identifies three functions of mercy: the renewal of service, the change in the addressee's status and the demarcation between those who were promised pardon and those who were threatened with punishment. The article shows that the promise of freedom retained the monarchical form of a royal grant, while the proclaimed direct bond with the tsar's "own" crown in practice required written intermediaries: secretaries, copies and seals. The concept of a documentary-receptive limit is proposed to explain why a legally false act could be perceived as an authentic expression of the tsar's will. At the same time, the norm set by the documents is not identified with the beliefs of the movement's participants.*

Keywords: *Pugachev; imposture; royal mercy; manifesto; cultural semantics; popular monarchism; written culture; obedience.*

Relevance of the Research

The Pugachev uprising addressed its participants in the language of personal decrees and manifestos, which combined mercy and service, liberty and reprisal against opponents. How could resistance to the ruling authority be expressed in the language of an imperial command, and liberation from dependence take the form of a promise of loyalty to the tsar's crown? The answer, in our view, lies in the workings of the text itself, which links the authoritative name, the promise and the expected conduct of the addressee.

State of Research

K. V. Chistov studied the legend of the returning tsar-deliverer [Chistov 1967], M. Cherniavsky the mythological notions of the tsar and the people [Cherniavsky 1961], and M. Perrie imposture as a form of popular monarchism [Perrie 1995]. Yet the sovereign's closeness to his subjects does not imply popular sovereignty: the expectation of a just tsar and the community's right to institute supreme power are not the same thing [Perrie 2005, pp. 233–242].

B. A. Uspensky linked imposture with the sacralisation of power and the recognition of the "true" tsar [Uspensky 1996]; his analysis of the tsar's title reveals the religious forms in which the monarch was acknowledged [Uspensky 2000]. C. S. Ingerflom regards imposture as a phenomenon of political culture [Ingerflom 2021]. This approach is fruitful, but general explanations cannot replace the analysis of specific documents. The combination of liberation, subordination and retribution within a rebel grant calls for separate consideration.

Aim, Objectives and Subject of the Research

The article aims to reveal the cultural semantics of royal mercy in the documents of the Pugachev movement. The subject of the research is the means by which recognition of the tsar's name is linked to a change in the addressee's position. To

Fig. 1. Lavrentiy Seryakov. Emelian Pugachev. Engraving, 1870; published in Russkie deyateli v portretakh… (St Petersburg, 1882). Source: Wikimedia Commons. Public domain.

this end, the grants of 1773 and 1774 are compared in terms of their social addressees, religious and bodily vocabulary, the time frame of the promise and the image of the enemy; the circulation of the texts and the limits of conclusions about their reception are also considered.

Novelty of the Research

We distinguish three functions of mercy: the renewal of service, the change in the addressee's status and the demarcation between those to be pardoned and those to be punished. The proposed concept of a documentary-receptive limit explains the gap between the legal authenticity of an act and its recognition as the tsar's word.

Methodology and Research Methods

Semiotic-hermeneutic analysis makes it possible to compare the naming of the speaker and the addressee, the verbs of authoritative action, the grants, the temporal formulas and the image of the enemy. The meaning of the words "liberty" (volnost), "slave" (rab) and "crown" (korona) is determined by their connections within the text. Source criticism requires a distinction between the sanctioning of a document, its recording and its reception; following V. E. Valdenberg, we separate fact, law and literary representation [Valdenberg 2006, pp. 27–28].

Sources and Empirical Basis of the Research

The core corpus comprises the decree to the Yaik Cossacks of 17 September 1773, the Penza manifesto of 31 July 1774, the order of 14 April on the circulation of the manifesto, and the note on seals dated by the editors to 28 July 1774 [Dokumenty stavki… 1975, nos. 1, 41, 70, 83]. The July manifesto is quoted from the publication by M. D. Kurmacheva, which is also the source of I. N. Gryaznov's address to Chelyabinsk of 8 January and the Saransk manifesto of 28 July 1774 [Kurmacheva 1991, pp. 211–213]. The official naming of Pugachev is examined through the title of the Senate edition [Opisanie proiskhozhdeniya del… 1774]. The article introduces no new archival material; dates are given in the Old Style.

Main (Analytical) Part: Discussion and Results

Let us begin with the question that the document settles in its very first line: who has the right to speak. The name of Peter III is invoked as the authority behind the orders: the speaker already grants, pardons and commands. This voice, however, needed a written form. The first decree of the illiterate Pugachev (Fig. 1) was written down by I. Ya. Pochitalin, and the July manifesto was drawn up in the chancellery with the participation of A. I. Dubrovsky [Dokumenty stavki… 1975]. The leader's decision should be distinguished from its written formulation: the claim to personal supremacy depended on people who knew the proper form of a sovereign's pronouncement.

The decree of 17 September appealed to the Yaik Cossacks by invoking the service of their fathers and grandfathers. Rebellion took on the appearance of a restored obligation: by joining the "sovereign", a Cossack was to confirm his own loyalty. The river, the land and the grasses, monetary pay, lead, gunpowder and grain provisions secured both livelihood and service. The pardon of past offences complemented the grant and made it possible to redefine the meaning of past conduct [Dokumenty stavki… 1975]. Mercy was not reduced to generosity: it restored a bond in which a grant presupposed future service, and past guilt no longer separated the addressee from the tsar.

In the Penza manifesto of 31 July 1774, imperial authorship is retained, but the addressee changes. Instead of provisioning a Cossack corporation, the document promises a new position to people formerly subject to landowners. They are declared "loyal slaves of our own crown" and rewarded "with liberty and freedom, and as Cossacks forever" [Kurmacheva 1991, p. 213].

How is the coexistence of slavery and freedom to be explained? In all likelihood, both the object and the content of dependence change. Landowners' ownership is to cease, while subjecthood is tied to the crown and to Cossack status. The word "slave" is included here in a formula of loyal subjecthood; the promise of liberty does not confer the right to institute supreme power independently. The sovereign grants, liberates and commands: the grammar of the gift is preserved while its content changes radically. The phrase "our own crown" signifies a bond with the sovereign with no former owner standing between them.

This freedom is defined quite concretely: lands, forests, hayfields and fishing grounds without purchase or quitrent, and exemption from recruitment levies, the poll tax and other dues [Kurmacheva 1991, p. 213]. Mercy concerns both the body, which could be conscripted, and the household, which was obliged to surrender its resources. Cossack status, however, remains bound up with service. The manifesto sets the burdens of the former order against a direct bond with the true sovereign, without promising freedom from obligations altogether.

Alongside land, the addressees are rewarded "with the ancient cross and prayer, with heads and beards" [Kurmacheva 1991, p. 213]. This may be read as an allusion to the Old Believer two-finger sign of the cross and to the memory of Peter the Great's measures against beards, without assuming that all listeners understood it in the same confessional sense. The desired order encompasses prayer, bodily appearance and livelihood. Describing the cross as "ancient" presents change as restoration. In J. Assmann's view, the past serves as a normative model [Assmann 2004, pp. 36–62]; it is precisely the image of return that unites these heterogeneous promises.

Cossack status is promised forever, and the end of the struggle is to bring peace and tranquillity. The promise of perpetuity lends stability to mercy without proving that the promise could be fulfilled. The story of the sovereign's wanderings and misfortunes links his fate to the suffering of his subjects [Kurmacheva 1991, p. 213]: a broken present is set against a future that begins with the return of the father-tsar.

In I. N. Gryaznov's address, this connection is expressed with particular clarity: "we, poor people, were left orphans" [Kurmacheva 1991, p. 211]. Gryaznov speaks as a witness and an envoy: he claims to have seen the sovereign himself and declares the official information about the Don Cossack Pugachev to be a fabrication [Kurmacheva 1991, pp. 211–212]. The inhabitants were thus faced with two chains of trust, one of state identification and one of personal testimony. In this address, the story of the tsar's return is reinforced by personal testimony, whose persuasiveness depends on trust in the envoy.

We term this situation the documentary-receptive limit. A legally false act could appear to be an authentic expression of the tsar's will if it matched expectations of what a true tsar ought to desire; a lawful decree, by contrast, could be perceived as a distortion introduced by intermediaries. Power could issue a text, but it could not decide on its own whether the text would be recognised as the tsar's truth. The limit was set by the conditions under which the document was received.

The July manifesto declares the nobles at once the despoilers of the peasants and the enemies of the tsar's power [Kurmacheva 1991, p. 213]. Social harm is translated into the language of treason. Mercy and violence proceed from a single supreme source: liberation is promised to some, while reprisal against others is prescribed as the condition of future peace. To see mercy as a mere cover for violence would be to ascribe a single hidden motive to both the authors and the listeners. What the text does allow us to establish is the selectivity of mercy. In Gryaznov's address, too, the call not to shed blood coexists with the threat of attack: responsibility for devastation is shifted onto those who refused to recognise the sovereign [Kurmacheva 1991, pp. 211–212].

Similar documents were not identical. The Saransk manifesto of 28 July retains the crown, Cossack liberty, the abolition of obligations and the punishment of the nobility, but the religious and bodily imagery does not appear in the same form [Kurmacheva 1991, pp. 212–213]. Without additional material the reasons for the difference re-

main unclear, but the semantic core could persist while individual elements of the formulary changed.

How, then, was the tsar's word meant to take effect beyond the headquarters? As early as 14 April 1774, the Military Collegium instructed I. Shibaev to proclaim the manifesto and to leave exact copies in fortresses and settlements. A copy reduced dependence on the messenger's memory, and the requirement of accuracy protected the content of the promise. Dubrovsky's note on the transfer of state seals from the Saransk institutions shows an effort to appropriate the material means of authenticating the word [Dokumenty stavki… 1975]. The order itself, of course, does not prove that the seals were received.

The manifesto promises to remove the landowner as an intermediary between the peasant and the crown, yet it requires a collegium, a secretary, a messenger and a reader. The dispute concerns which intermediary has the right to convey the tsar's will. Spatial conditions also matter: as T. L. Lowish shows, Catherine's system of sovereignty worked less effectively in remote territories than in the capital. Far from the capital, the state depended on a sparse network of officials and slow communications [Lowish 2021, pp. 90–110]. There, rebel copies and seals could compete with state documents.

The model of the impostor as the monarch's symbolic double helps to explain the combination of similarity and change [Kalinin 2017, pp. 284–299]. The title, the crown, mercy and punishment remain recognisable, while the recipients of the gift and the image of the enemy change. Imitation becomes a struggle for the right to represent the monarchical norm. Distinguishing between the formal-dynastic and the cultural-performative dimensions of legitimacy clarifies the pretender's position: lacking the former, he sought to reproduce the latter.

The government responded with counter-naming. The title of the Senate edition of December 1774 speaks of the crushing of "the villain, rebel and impostor Emelka Pugachev" [Opisanie proiskhozhdeniya del… 1774]. The diminutive name denies the pretender any dignity, while the whole series of epithets predetermines a reading of the events as a criminal case. Both sides fought over naming, which preceded any account of what had actually been done.

Receiving a manifesto, hearing it read and joining a detachment are different actions. Even when they coincide, they do not reveal a person's motives. Weber's distinction between obedience and its grounds [Weber 2019, pp. 17–28] helps to keep the limits of inference in view: a normative text shows the relationship it proposes, but proves neither a unity of beliefs nor the fulfilment of the grants.

Conclusions, Practical Significance and Directions for Further Research

Royal mercy renewed service through pardon, changed the addressee's position and drew a line between those to be protected and those to be punished. Liberation, subordination and retribution were therefore interconnected aspects of the monarch's gift. Change was conceived as the restoration of loyalty to the true tsar. The promised bond with the tsar's "own" crown required new intermediaries, whose right to speak on behalf of the sovereign needed recognition. The documentary-receptive limit reveals the dependence of the supreme word on its addressees; at the same time, it does not allow the norm of the manifesto to be equated with the participants' beliefs.

The results can be used in courses on the history of Russian culture, historical semantics and political communication. Further research will compare copies of the manifestos with testimony about their reading, with oaths and complaints in order to establish how the promise changed in the course of transmission and recognition.

SOURCES

1. Dokumenty stavki E. I. Pugacheva, povstancheskikh vlastei i uchrezhdenii. 1773–1774 gg. [Documents of the Headquarters of E. I. Pugachev, the Rebel Authorities and Institutions, 1773–1774]. Prepared by A. I. Aksenov, R. V. Ovchinnikov, M. F. Prokhorov; ed. by R. V. Ovchinnikov. Moscow: Nauka, 1975. 524 p. (In Russian).
2. Opisanie proiskhozhdeniya del i sokrusheniya zlodeya, buntovshchika i samozvantsa Emelki Pugacheva [Description of the Origin of the Affairs and of the Crushing of the Villain, Rebel and Impostor Emelka Pugachev]. [St Petersburg]: Printed at the Senate, 1774. [8] p. Electronic copy: Boris Yeltsin Presidential Library. URL: https://www.prlib.ru/item/434757 (accessed: 24.09.2026). (In Russian).

REFERENCES

1. Assmann, J. Kulturnaya pamyat: pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance and Political Identity in Early High Cultures]. Transl. from German by M. M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury, 2004. 368 p. (In Russian).
2. Cherniavsky, M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven; London: Yale University Press, 1961. XIX, 258 p.
3. Chistov, K. V. Russkie narodnye sotsialno-utopicheskie legendy XVII–XIX vv. [Russian Popular Socio-Utopian Legends of the 17th–19th Centuries]. Moscow: Nauka, 1967. 341 p. (In Russian).
4. Ingerflom, C. S. Az esm tsar: istoriya samozvanstva v Rossii [I Am the Tsar: A History of Imposture in Russia]. Transl. from French by P. Kashtanov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. 448 p. URL: https://nlobooks.ru/books/chto_takoe_rossiya/6853/ (accessed: 24.09.2026). (In Russian).
5. Kalinin, I. The Figure of the Impostor to the Throne in Russian Political Culture: Between Sacralization and Mimesis. Sign Systems Studies. 2017. Vol. 45, no. 3/4. Pp. 284–301. DOI: 10.12697/SSS.2017.45.3-4.05.
6. Kurmacheva, M. D. Goroda Urala i Povolzhya v krestyanskoi voine 1773–1775 gg. [Towns of the Urals and the Volga Region in the Peasant War of 1773–1775]. Ed. by A. A. Preobrazhensky. Moscow: Nauka, 1991. 230 p. (In Russian).
7. Lowish, T. L. Catherine the Great and the Development of a Modern Russian Sovereignty, 1762–1796. PhD dissertation. Berkeley: University of California, Berkeley, 2021. 147 p.
8. Perrie, M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
9. Perrie, M. The Muscovite Monarchy in the Sixteenth Century: “National”, “Popular” or “Democratic”? Cahiers du Monde russe. 2005. Vol. 46, no. 1–2. Pp. 233–242. DOI: 10.4000/monderusse.8798.
10. Uspensky, B. A. Izbrannye trudy. T. I: Semiotika istorii. Semiotika kultury [Selected Works. Vol. I: Semiotics of History. Semiotics of Culture]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kultury”, 1996. 608 p. (In Russian).
11. Uspensky, B. A. Tsar i imperator: pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov [Tsar and Emperor: Anointment to the Throne and the Semantics of Monarchical Titles]. Moscow: Yazyki russkoi kultury, 2000. 144 p. (In Russian).
12. Valdenberg, V. E. Drevnerusskie ucheniya o predelakh tsarskoi vlasti: ocherki russkoi politicheskoi literatury ot Vladimira Svyatogo do kontsa XVII veka [Old Russian Doctrines on the Limits of Royal Power: Essays on Russian Political Literature from St Vladimir to the End of the 17th Century]. Moscow: Territoriya budushchego, 2006. 365 p. (In Russian).
13. Weber, M. Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. T. IV: Gospodstvo [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Vol. IV: Domination]. Transl. from German; comp., gen. ed. and preface by L. G. Ionin. Moscow: Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2019. 544 p. (In Russian).

Игорь Вячеславович Григорьев
магистр культурологии
аспирант по научной специальности 5.10.1 «Теория и история культуры, искусства»
ассистент кафедры русской философии и культуры
Санкт-Петербургского государственного университета
e-mail: igor.v.grigoriev@spbu.ru
Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0009-0001-0848-1836

DOI: 10.36340/2071-6818-2026-22-6-21-30

ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ В ЯЗЫКЕ ВОССТАНИЯ: КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА МАНИФЕСТОВ Е. И. ПУГАЧЁВА

Аннотация: *Статья посвящена семантике царской милости в документах пугачёвского движения 1773–1774 годов. На основе семиотико-герменевтического анализа, критики источников и сравнения формуляров автор выделяет три функции милости: возобновление службы, изменение статуса адресата и разграничение тех, кому обещалось прощение, и тех, кому грозило наказание. Показано, что обещание вольности сохраняло монархическую форму дара, а провозглашаемая непосредственная связь с «собственной» короной на практике требовала письменных посредников — секретарей, копий и печатей. Предложено понятие документарно-рецептивного предела, позволяющее объяснить, почему юридически ложный акт мог восприниматься как подлинное выражение царской воли. При этом норма, заданная документом, не отождествляется с убеждениями участников движения.*

Ключевые слова: *Пугачёв; самозванство; царская милость; манифест; культурная семантика; народный монархизм; письменная культура; повиновение.*

Актуальность темы исследования

Пугачёвское восстание говорило с участниками языком именных указов и манифестов. В них соединялись милость и служба, вольность и расправа с противниками. Каким образом сопротивление действующей власти могло выражаться на языке императорского повеления, а освобождение от зависимости — как обещание верности царской короне? Ответ, на наш взгляд, следует искать в работе самого текста, связывающего властное имя, обещание и ожидаемое поведение адресата.

Степень научной разработанности проблемы

К. В. Чистов исследовал легенду о возвращающемся царе-избавителе [Чистов, 1967], М. Чернявский — мифологические представления о царе и народе [Cherniavsky, 1961], М. Перри — самозванство как форму народного монархизма [Perrie, 1995]. При этом близость государя к подданным не означает народовластия: ожидание справедливого царя и право сообщества учреждать верховную власть — понятия нетождественные [Perrie, 2005, p. 233–242].

Б. А. Успенский связал самозванчество с сакрализацией власти и распознаванием «настоящего» царя [Успенский, 1996]; его анализ царского титула раскрывает религиозные формы признания монарха [Успенский, 2000]. К. Ингерфлом рассматривает самозванство как явление политической культуры [Ингерфлом, 2021]. Такая постановка вопроса представляется плодотворной, однако общие объяснения не заменяют разбора конкретных документов. Соединение освобождения, подчинения и возмездия внутри повстанческого пожалования требует отдельного рассмотрения.

Цель, задачи и предмет исследования

Цель статьи — раскрыть культурную семантику царской милости в документах пугачёвского движения. Предмет исследования — средства, связывающие признание царского имени с изменением положения адресата. Для этого сопоставляются пожалования 1773 и 1774 годов, их социальный адрес, религиозная и телесная лексика, время обещания и образ противника; рассматриваются также распространение текстов и пределы выводов об их восприятии.

Научная новизна исследования

Мы различаем три функции милости: возобновление службы, изменение статуса адресата и разграничение прощаемых и наказуемых. Предложенное понятие документарно-рецептивного предела объясняет расхождение между юридической подлинностью акта и признанием его царским словом.

Методология и методы исследования

Семиотико-герменевтический анализ позволяет сопоставить именование говорящего, адресата, глаголы властного действия, пожалования, временные формулы и образ противника. Значение слов «вольность», «раб» и «корона» определяется их связью в тексте. Источниковедческая критика требует различать санкционирование документа, его запись и восприятие; вслед за В. Е. Вальденбергом мы отделяем факт, право и литературное изображение [Вальденберг, 2006, с. 27–28].

Источниковая и эмпирическая база исследования

Основной корпус включает указ яицким казакам от 17 сентября 1773 года, пензенский манифест от 31 июля 1774 года, распоряжение о распространении манифеста от 14 апреля и записку о печатях, датированную публикаторами 28 июля 1774 года [Документы ставки..., 1975, № 1, 41, 70, 83]. Июльский манифест цитируется по публикации М. Д. Курмачёвой; оттуда же привлечены обращение И. Н. Грязнова к Челябинску от 8 января и саранский манифест от 28 июля 1774 года [Курмачёва, 1991, с. 211–213]. Официальное именование Пугачёва рассматривается по заглавию сенатского издания [Описание происхождения дел..., 1774]. Новых архивных материалов статья не вводит; даты даны по старому стилю.

Основная (аналитическая) часть: обсуждение и результаты

Начнем с вопроса, который документ решает первой строкой: кто вправе говорить. Имя Петра III предъявляется как основание распоряжений: говорящий уже жалует, прощает и повелевает. Однако этот голос требовал письменного оформления. Первый указ неграмотного Пугачёва (рис. 1) записал И. Я. Почиталин, июльский манифест составлялся в канцелярии при участии А. И. Дубровского [Документы ставки..., 1975]. Решение предводителя следует отличать от его письменного оформления: притязание на личное верховенство зависело от людей, знавших форму государева слова.

Указ 17 сентября обращался к яицким казакам через память о службе отцов и дедов. Мятежное действие получало вид восстановленной обязанности: присоединяясь к «государю», казак должен был подтвердить собственную верность. Река, земля, травы, деньги, свинец, порох и провиант обеспечивали одновременно жизнь и службу. Прощение прежних вин дополняло пожалование, позволяя заново определить значение прошлого поведения [Документы ставки..., 1975]. Милость не сводилась к щедрости: она восстанавливала связь, в которой пожалование предполагало будущую службу, а прежняя вина переставала отделять адресата от царя.

В пензенском манифесте 31 июля 1774 года императорское авторство сохраняется, но адресат меняется. Вместо снабжения казачьей корпорации документ обещает новое положение людям, находившимся в помещичьем подданстве. Их объявляют «верноподданными рабами собственной нашей короне» и награждают «вольностию и свободою и вечно казаками» [Курмачёва, 1991, с. 213].

Чем объяснить соседство рабства и свободы? По всей видимости, меняются адрес и содержание зависимости. Помещичье владение должно прекратиться, а подданство связывается с короной и казачьим статусом. Слово «раб» включено здесь в формулу верноподданности; обещание вольности не дает права самостоятельно учреждать верховную власть. Государь жалует, освобождает и повелевает — грамматика дара сохраняется при радикальном изменении его содержания. «Собственная» корона означает связь с государем без прежнего владельца между ними.

Эта свобода имеет вполне определенное содержание: земли, леса, сенокосы и промыслы без покупки и оброка, освобождение от рекрутских наборов, подушной подати и других сборов [Курмачёва, 1991, с. 213]. Милость касается и тела, которое могут забрать в рекруты, и хозяйства, обязанного отдавать средства. Но казачий статус сохраняет отношение к службе. Манифест противопоставляет тяготы прежнего порядка собственной связи с истинным государем, не обещая отсутствия обязанностей вообще.

Рядом с землей адресатов награждают «древним крестом и молитвою, головами и бородами» [Курмачёва, 1991, с. 213]. Здесь можно увидеть отсылку к старообрядческому двуперстию и памяти о петровских мерах против бород, не предполагая одинакового конфессионального прочтения всеми слушателями. Желаемый порядок охватывает молитву, телесный облик и средства жизни. Определение креста как «древнего» представляет перемену восстановлением. В понимании Я. Ассмана прошлое служит нормативным образцом [Ассман, 2004, с. 36–62]; именно образ возвращения соединяет разнородные обещания.

Казачий статус обещается навечно, а завершение борьбы должно принести тишину и спокойствие. Вечность здесь придает милости устойчивость, не доказывая осуществимости обещанного. Рассказ о странствиях и бедствиях государя связывает его судьбу со страданием подданных [Курмачёва, 1991, с. 213]: поврежденному настоящему противопоставлено будущее, наступающее с возвращением отца.

В обращении И. Н. Грязнова эта связь выражена особенно ясно: «мы, бедные люди, оставались сиротами» [Курмачёва, 1991, с. 211]. Грязнов говорит как свидетель и посланник: он ссылается на то, что сам видел государя, а официальные сведения о донском казаке Пугачёве объявляет вымыслом [Курмачёва, 1991, с. 211–212]. Перед жителями оказывались две цепочки доверия — государственной идентификации и личного свидетельства. В этом обращении рассказ о возвращении царя подкрепляется личным свидетельством, убедительность которого зависит от доверия к посланнику.

Эту ситуацию мы обозначаем как документарно-рецептивный предел. Юридически ложный акт мог казаться подлинным выражением царской воли, если отвечал ожиданию того, чего должен желать настоящий царь; законный указ, напротив, мог восприниматься как искажение, произведенное посредниками. Власть могла издать текст, но не могла единолично определить, будет ли он признан царской правдой. Предел задавался условиями восприятия документа.

Июльский манифест объявляет дворян одновременно разорителями крестьян и противниками царской власти [Курмачёва, 1991, с. 213]. Социальный вред переводится на язык измены. Милость и насилие исходят от одного верховного источника: освобождение обещается одним, расправа предписывается другим как условие будущего покоя. Видеть в милости лишь прикрытие насилия значило бы приписать составителям и слушателям единый скрытый мотив. Текст позволяет установить ее избирательность. У Грязнова призыв не проливать крови также соседствует с угрозой наступления: ответственность за разорение переносится на отказавшихся признать государя [Курмачёва, 1991, с. 211–212].

Близость документов не означала тождества. Саранский манифест 28 июля сохраняет корону, казачью вольность, отмену повинностей и наказание дворян, однако религиозно-телесный ряд в том же виде отсутствует [Курмачёва, 1991, с. 212–213]. Причины различия без дополнительных материалов неясны, но смысловое ядро могло сохраняться при изменении отдельных элементов формуляра.

Как же царское слово должно было действовать за пределами ставки? Еще 14 апреля 1774 года Военная коллегия предписывала И. Шибаеву объявлять манифест и оставлять точные копии в крепостях и селениях. Копия уменьшала зависимость от памяти посланца, а требование точности охраняло содержание обещания. Записка Дубровского о передаче государственных печатей из саранских учреждений показывает стремление присвоить материальные средства удостоверения слова [Документы ставки..., 1975]. Само распоряжение, разумеется, еще не доказывает получения печатей.

Манифест обещает устранить помещика между крестьянином и короной, но требует коллегии, секретаря, посланца и чтеца. Спор касается того, какой посредник вправе сообщать царскую волю. Существенны и пространственные условия: как показывает Т. Лоуиш, екатеринин-

ская система суверенитета слабее действовала на отдаленных территориях, чем в столице. Вдали от нее государство зависело от редкой сети чиновников и медленной связи [Lowish, 2021, p. 90–110]. Там повстанческие копии и печати могли соперничать с государственным документом.

Модель самозванца как символического двойника монарха помогает объяснить сочетание сходства и перемены [Kalinin, 2017, p. 284–299]. Титул, корона, милость и наказание остаются узнаваемыми, меняются получатели дара и образ врага. Подражание становится борьбой за право представлять монархическую норму. Различение формально-династического и культурно-перформативного контуров легитимности позволяет уточнить положение претендента: лишенный первого, он стремился воспроизвести второй.

Правительство отвечало встречным именованием. В заглавии сенатского издания декабря 1774 года речь идет о сокрушении «злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачёва» [Описание происхождения дел..., 1774]. Уменьшительное имя отказывает претенденту в достоинстве, тогда как весь ряд определений заранее задает чтение событий как дела о преступнике. Обе стороны боролись за именование, предшествующее рассказу о поступках.

Получить манифест, услышать его и вступить в отряд — разные действия. Даже их совпадение не раскрывает мотивов человека. Веберовское различение повиновения и его оснований [Вебер, 2019, с. 17–28] позволяет удержать границу вывода: нормативный текст показывает предложенное отношение, но не доказывает ни единства убеждений, ни исполнения пожалований.

Выводы, их практическая значимость и возможные направления дальнейших исследований

Царская милость возобновляла службу через прощение, меняла положение адресата и разграничивала защищаемых и наказуемых. Поэтому освобождение, подчинение и возмездие составляли связанные стороны монаршего дара. Перемена мыслилась как восстановление верности истинному царю. Обещанная связь с «собственной» короной требовала новых посредников, чье право говорить от имени государя нуждалось в признании. Документарно-рецептивный предел обнаруживает зависимость верховного слова от тех, к кому оно обращено, не позволяя отождествить норму манифеста с убеждениями участников.

Результаты применимы в курсах истории русской культуры, исторической семантики и политической коммуникации. Дальнейшая работа предполагает сопоставление экземпляров манифестов с показаниями об их чтении, присягами и жалобами, чтобы выяснить, как обещание менялось при передаче и признании.

ИСТОЧНИКИ

1. Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / подгот. А. И. Аксёнов, Р. В. Овчинников, М. Ф. Прохоров; отв. ред. Р. В. Овчинников. М.: Наука, 1975. 524 с.
2. Описание происхождения дел и сокрушения злодея, бунтовщика и самозванца Емельки Пугачёва. [СПб.]: Печ. при Сенате, 1774. [8] с. Электронная копия: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина. URL: https://www.prlib.ru/item/434757 (дата обращения: 24.09.2026).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего, 2006. 365, [1] с.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. IV: Господство / пер. с нем.; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542, [2] с.
4. Ингерфлом К. С. Аз есмь царь: история самозванства в России / пер. с фр. П. Каштанова. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 448 с. (Что такое Россия). URL: https://nlobooks.ru/books/chto_takoe_rossiya/6853/ (дата обращения: 24.09.2026).
5. Курмачёва М. Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. / отв. ред. А. А. Преображенский. М.: Наука, 1991. 230 с.
6. Успенский Б. А. Избранные труды. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 608 с.
7. Успенский Б. А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
8. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.
9. Cherniavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Myths. New Haven; London: Yale University Press, 1961. XIX, 258 p.
10. Kalinin I. The Figure of the Impostor to the Throne in Russian Political Culture: Between Sacralization and Mimesis // Sign Systems Studies. 2017. Vol. 45, no. 3/4. P. 284–301. DOI: 10.12697/SSS.2017.45.3-4.05.
11. Lowish T. L. Catherine the Great and the Development of a Modern Russian Sovereignty, 1762–1796: PhD dissertation. Berkeley: University of California, Berkeley, 2021. 147 p.
12. Perrie M. Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
13. Perrie M. The Muscovite Monarchy in the Sixteenth Century: “National”, “Popular” or “Democratic”? // Cahiers du Monde russe. 2005. Vol. 46, no. 1–2. P. 233–242. DOI: 10.4000/monderusse.8798.